

© 2011 г.

М.Ю. МЯГКОВ

ГРОЗНОЕ ЛЕТО 1941 года

Со стратегической точки зрения повторилось то, что удалось осуществить вермахту в 1940 г. в Западной Европе, а затем, в конце 1941 – начале 1942 г. – японским войскам на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии (с той важной разницей, что территория США в силу географических причин оставалась вне досягаемости врага). В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400–450 км, в западном – на 450–600 км, в юго-западном – на 300–350 км, захватили почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Над страной нависла смертельная опасность.

Советское руководство с первых дней войны прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. “Всё для фронта, всё для победы” – такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И. В. Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, “сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы”.

23 июня была образована Ставка Главного Командования (с 10 июля Ставка Верховного Командования, с 8 августа – Ставка Верховного Главнокомандования) – высший орган стратегического руководства вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Оборона (ГКО). Пост председателя ГКО, а затем и Верховного Главнокомандующего вооруженными силами СССР (с 8 августа) занял И.В. Сталин. На восток в срочном порядке производилась переброска из угрожаемых районов промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями, чем руководил созданный 24 июня Совет по эвакуации.

По предложению маршала Б. М. Шапошникова 25 июня 1941 г. Ставка Главного Командования приказала отвести советские войска на линию старых УКРЕПРАЙОНОВ (УРов). Однако эта линия (так называемая “линия Сталина”) не представляла из себя к 1941 г. полностью подготовленного оборонительного рубежа. Зато движение к “линии старых УРов” стало девизом отступавших советских войск, их главной надеждой – надеждой, которой не суждено было сбыться¹.

Был отдан также приказ о формировании группы армий резерва Главного Командования (командующий – маршал С. М. Будённый, член Военного Совета – Г.М. Маленков, начальник штаба – генерал-майор А. П. Покровский):

22-я Армия (штаб с 24.06 – Великие Луки): два стрелковых корпуса – 62-й и 51-й;

Окончание. Начало см. в № 3 нашего журнала за 2011 г.

¹ *Мартов В.* Белорусские хроники, 1941 год (http://vitebsk.net/i40/mart41_1.htm)

20-я Армия (штаб с 25.06 – Смоленск): четыре стрелковых корпуса – 61-й, 69-й, 20-й и 41-й;

21-я Армия (Чернигов): пять стрелковых корпусов – 66-й, 63-й, 45-й, 30-й и 33-й;

19-я Армия (Черкассы): три стрелковых корпуса – 34-й, 25-й и 67-й и 25-й мех-корпус;

Группе армий ставилась задача приступить к обустройству оборонительного рубежа по линии Сущёво, Невель, Витебск, Могилёв, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга². Однако эта задача оказалась во многом невыполнимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разрозненного (по частям) подхода советских соединений к фронту.

Уже 16 июля 1941 г. ГКО принял решение о строительстве оборонительного рубежа на дальних подступах к Москве – Можайской линии обороны протяженностью 230 км. Она простиралась с севера на юг от Московского моря, западнее Волоколамска и Можайска, до слияния Угры с Окой и должна была включать в себя три оборонительные полосы – главную и две тыловые. Общая глубина оборонительного рубежа должна была составить 120–130 км. Главная полоса включала Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, а несколько позже и Калужский УРы. К строительству Можайского оборонительного рубежа широко привлекались жители Москвы и Московской области, а также сформированные в начале июля дивизии народного ополчения. Однако к моменту выхода немецко-фашистских войск к данному району строительство было еще только в самом разгаре. В четырех укрепленных районах Можайской линии обороны было сооружено 296 дотов из 760 намеченных. Только наполовину был выполнен план по созданию противотанковых рвов. Не удалось осуществить в полном объеме сооружение эскарпов и проволочных заграждений³.

Военачальники на фронте понимали всю трудность предстоящей борьбы с опытейшим врагом, необходимость экстренных мер по подготовке и обучению новых частей взамен уничтоженных в приграничных боях. К несчастью, времени для мероприятий, связанных с повышением боеспособности свежих или выведенных в тыл подразделений, не было. При первой возможности ими затыкали всё новые и новые бреши, возникавшие в результате вражеского наступления. Опыт первых боев вынуждал командующих издавать распоряжения, касавшиеся корректировки организационных, боевых, дисциплинарных и идеологических установок перед тем, как войска вступят в бой. 8 июля 1941 г. генерал-майор А.А. Коробков (который в тот же день был отстранен от командования армией, а на следующий день арестован), на основании ранее полученных указаний из штаба фронта предписывал: “В районах формирования немедленно приступить к организации обороны... Создать в каждом полку и батальоне отряды и группы истребителей танков, которые вооружить связками гранат, бутылками с горючей жидкостью, минами и усиливать их противотанковыми пушками. Действия истребительных отрядов должны быть смелыми и решительными, нападая на танки главным образом из засад⁴... Научить бойца, отделение и подразделение окапываться, маскироваться под огнем и вести упорный бой в обороне с мотопехотой противника, наступающей с ВВС и танками... пехоту отделять от танков и уничтожать”. Все эти установки, безусловно, были правильными, но вот своевременными их отнюдь не назовешь, активно учить бойца и подразделение обороняться нужно было до войны. Далее А.А. Коробков говорил о необходимости “резко поднять дисциплину во всех подразделениях и частях... Поднять боевой дух и укрепить упорство и стойкость в бою среди всех звеньев личного состава. Еще больше разжечь ненависть против фашизма, провокационно напавшего на Советский Союз. Уяснить всем составом, что боец и командир, покинувший свои позиции самовольно, и лица, сеющие панику на фронте

² ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 2, л. 19–20.

³ Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995, с. 308.

⁴ Мобильные отряды противотанковой обороны, создаваемые исходя из печального опыта быстрого прорыва германских танков.

и в тылу, есть изменник Родины и подлежит судебной ответственности вплоть до расстрела”⁵. Комментарии здесь излишни, добавим только, что предписания А.А. Коробкова появились раньше приказа наркома обороны № 270, подписанного Сталиным и содержавшего сходные положения. (Речь Сталина от 3 июля 1941 г. предписывалось изучать на политзанятиях, наряду с изучением фактов из боевой деятельности подразделений.)

Ставка принимала самые жёсткие меры по борьбе с паникерами и трусами, оставлявшими свои позиции, бежавшими в тыл или сдававшимися в плен. 16 августа вышел упомянутый приказ наркома обороны № 270, в котором среди прочего говорилось:

“1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте победных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам”⁶.

Еще до снятия со своего поста генерала Д. Г. Павлова на его Западном фронте стали создавать заградительные отряды (численностью до батальона, на расстоянии нескольких километров от фронта), в задачу которых входило: сбор и организация в боевые подразделения беспорядочно отходивших или бежавших с позиций солдат, отправка их обратно на передовую, пресечение паники, передача под следствие подозрительных лиц, борьба с возможными десантами противника, создание укрепленных рубежей и т.п.

В своем приказе (не позднее 25 июня 1941 г.) Д. Г. Павлов предписывал:

“Для охраны порядка на путях движения и ликвидации отдельных диверсионных групп – ПРИКАЗЫВАЮ:

1. На всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды.

2. В войсковых и армейских тылах заград. отряды выставить распоряжением Командующих армий. Состав отрядов определить командующим армий с обязательным включением в них представителей третьих отделов и отделений армии, корпусов, дивизий и местных органов НКВД...

Минскому ОВК⁷ сформировать из добровольцев не поднимаемых возрастов, преимущественно членов ВКП(б) и комсомольцев 20 отрядов, численностью 50 человек...

Формирование отрядов начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г.”⁸

Заметим, что заградотряды летом 1941 г. формировались и на других фронтах, например на Брянском фронте генерал-лейтенанта А. И. Ерёмко, и произошло это примерно за год до приказа Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., вводившего в армии наряду со штрафными подразделениями и заградительные отряды. Вот данные из оперативной сводки начальника войск НКВД УССР и охраны войскового тыла Юго-Западного фронта (ЮЗФ) полковника Рогатина Военному Совету ЮЗФ о работе заградительных отрядов на дорогах и подступах к Киеву с 5 по 12 июля 1941 г. За это время было задержано из числа среднего начсостава 80 чел.; младшего – 237; красноармейцев – 2498; гражданских лиц – 4728, и многие сотни единиц техники. Органами военной прокуратуры, куда передавались подозрительные лица из района Киева и

⁵ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ), ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 25–27.

⁶ *Сталин И.В.* Сочинения, т. 18. М., 2006, с. 237–240.

⁷ ОВК – областной военный комиссариат.

⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 20, л. 81–82.

других мест, где работали заградотряды, за период с 9 по 12 июля было осуждено “за агитацию и другие контрреволюционные преступления к расстрелу – 15 чел., к лишению свободы – 7 чел. За уклонение от мобилизации – к расстрелу – 4 чел., к лишению свободы – 4 чел.”⁹

Чрезвычайно жёсткие и даже жестокие меры по повышению стойкости войск принимали по своей инициативе и многие военачальники на фронте. Так, упомянутый выше генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко (в то время заместитель командующего Западным фронтом), находясь в расположении 22-й армии, отражавшей удар германских танковых и армейских корпусов в направлении Полоцк, Невель, Великие Луки, доносил 6 июля 1941 г. С.К. Тимошенко и Генштабу РККА о критическом положении в 51-м стрелковом корпусе (ск) и преступном поведении командира 166-го стрелкового полка (сп). Он, в частности, писал, что лично остановил бегство полка, “руководил боем и воспитывал генералов, чтобы они не боялись огня”. “Я приказал им и сам лично участвовал в контратаке [51 стрелкового корпуса], и всё обошлось благополучно, а генералов обстрелял”. Ерёмченко, кстати, был тогда контужен. В документе есть и другая информация: “Подлого труса бывшего командира 166 сп майора Заимулина, который первым оставил свой командный пункт и удрал на 15 км в тыл, я расстрелял в присутствии собранного остатка полка. Командира 98-й сд генерал-майора Гаврилова... я с должности отстранил и дело о нем передал в трибунал... Командира 51 ск генерал-майора Маскова... крепко предупредил”¹⁰. Добавим, что в вышедших в 1965 г. мемуарах А.И. Ерёмченко упомянул лишь о снятии им с должности командира 166-го стрелкового полка, а также о том, что эта часть при новом волевом руководстве мужественно держалась в обороне¹¹.

Но все предпринимаемые меры с целью остановить и отбросить врага пока не давали желаемых результатов. Красная Армия отступала. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля – 10 сентября 1941 г.), развернувшемся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Советские войска понесли огромный урон. Ориентировочно уже в первый месяц войны их потери составили 1 млн. чел., из них убитыми и умершими от ран 300 тыс., пленными – 700 тыс.¹²

Но, отступая, часто в беспорядке и с большими потерями, Красная Армия тем не менее срывала важнейшую установку плана “Барбаросса”: уничтожить советские войска ударами танковых клиньев, не допустить отхода русских армий в глубь территории страны.

Ставка ВГК, командование фронтов, военачальники и командиры разных степеней учились искусству ведения войны в крайне сложной обстановке, допуская порой почти неизбежные ошибки. Однако постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе всё большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны.

С каждым месяцем сопротивление советских войска усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишало врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20–30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот темп снизился до 3,5–8,5 км в сутки. Еще в сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре – у Ростова-на-Дону, а в начале декабря – под Москвой.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 973, д. 7, л. 282–285.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 946, д. 63, л. 3–4.

¹¹ *Ерёмченко А.И.* В начале войны. М., 1965, с. 96–97.

¹² *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржевский О.А.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2005, с. 55–56.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ В ЗАПОЛЯРЬЕ

На крайнем северном фланге советско-германского фронта в конце июня месяца перешла в наступление немецкая армия “Норвегия”. Ее главной целью был незамерзающий порт Мурманск. Замысел немецкого командования заключался в нанесении ударов по трем направлениям: на северном объектом захвата должен был стать Мурманск, на центральном – г. Кандалякш Мурманской области, на южном – пос. Лоухи Карело-Финской ССР. В случае успеха в руки противника попал бы советский незамерзающий порт на Баренцевом море – Мурманск. Кроме того, наступавшие на Кандалякшу и Лоухи силы противника отрезали бы Кольский п-ов от остальной территории страны и, выйдя на побережье Кандалякшской губы, создали бы дополнительную угрозу Архангельску (замерзающему порту). Вместе с Мурманском предполагалось захватить и г. Полярный – база Северного флота.

Этим планам не суждено было сбыться. Поскольку до 29 июня 1941 г. активность противника в Заполярье ограничивалась только авианалетами, 14-я армия (командующий генерал-лейтенант В.А. Фролов) и Северный флот (командующий – контр-адмирал А.Г. Головкин) получили больше времени на подготовку и не были застигнуты врасплох. Кроме того, поскольку данный фронт изначально не считался приоритетным, немецкое командование выделяло ему меньше сил, и, хотя превосходство немецкой армии “Норвегия” (в дальнейшем известная как “Лапландия” и 20-я горная армия) над советской стороной было обеспечено, обороняющиеся, мобилизовав все свои ресурсы, сумели выстоять.

Начав сухопутное наступление на Мурманск силами горнострелкового корпуса “Норвегия” (2 горнострелковых дивизии), немцы оттеснили подразделения 14-й армии с рубежа на реке Титовка, но так и не смогли преодолеть организованный сразу за ним рубеж на реке Большая Западная Лица.

Кроме того, немцам не удалось занять п-ова Средний и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив, на берегу которого расположен Мурманск. Подразделения 23-го укрепрайона под командованием полковника М.К. Пашковского сумели организовать успешную оборону с использованием особенностей сложного рельефа и не пропустили немцев дальше горного хребта Муста-Тунтури на подступах к Рыбачьему и Среднему.

Северный флот обеспечивал снабжение укрепрайона по морю, а также поддерживал артиллерийским огнем и высадкой десантов советские позиции на Западной Лице. Огневое прикрытие со стороны Северного флота было особенно важно в условиях нехватки у сухопутных сил боеприпасов для артиллерии. Успех обороны на речном рубеже во многом обусловило и то, что защитники 23-го УР выиграли время для подготовки позиций в районе Большой Западной Лицы.

Стоит отметить, что Северный флот – на тот период самый молодой в Вооруженных Силах СССР – выполнял и другие важнейшие задачи на Северном морском театре. Его корабли выходили в море с целью нарушения перевозок стратегического сырья для промышленности Германии, обеспечения советских военных и народнохозяйственных перевозок. Вскоре после начала войны соединения кораблей Северного флота, усиленные за счет других флотов, участвовали вместе с союзниками в организации доставки грузов в СССР из Англии и США.

Пытаясь усилить натиск на Мурманск, немцы перебросили на север часть подразделений с кандалакшского направления, где безуспешно действовали дивизия СС “Норд”, 169-я пехотная дивизия, финская 6-я пехотная дивизия и два финских егерских батальона, однако наступления, предпринятые 12 июля и 8 сентября, также захлебнулись.

С 11 сентября по 18 октября в воздушной обороне Мурманска участвовало и 151-е авиакрыло британских Королевских ВВС (24 истребителя “харрикейн”), сбившее и повредившее не менее 16 самолетов противника (еще 30 июля британская авиация бомбила Киркенес и Петсамо, однако эффект той операции был в большей степени морально-политическим).

По итогам стратегической оборонительной операции в Заполярье и Карелии (29 июня – 10 октября 1941 г.) безвозвратные потери советской стороны составили 67 265 чел.¹³ Потери немецкой и финской сторон в совокупности составили порядка 67 тыс. чел.¹⁴

Защитники Заполярья сумели сохранить за Советским Союзом возможность поддерживать связь с внешним миром через северные порты, что было жизненно необходимо в условиях, когда порты Балтийского и Черного моря были захвачены или блокированы противником.

В результате успешных оборонительных действий 14-й армии и Северного флота в 1941 г. немцы заняли только небольшую часть советской территории, не сумев добиться большего в последующие три года.

Активные боевые действия между советскими и финско-немецкими войсками вскоре после начала войны развернулись в Советской Карелии¹⁵. К началу войны Финляндия полностью отмобилизовала свои силы и развернула их на границе с СССР. Наиболее мощные группировки финских войск готовились наступать на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии. В общей сложности Финляндия для предстоящих боевых действий выделила 340 600 человек, 2047 орудий и минометов, 86 танков и 307 самолетов. Кроме того, как уже говорилось, на севере Финляндии была сосредоточена немецкая армия “Норвегия”. В общей сложности вражеская группировка состояла из 21,5 дивизий (из них 17,5 финских) и насчитывала 407 440 человек, 3 084 орудия, 192 танка и 424 самолета¹⁶.

В Мурманской области и Карелии были развернуты советские 14-я, 7-я и 23-я армии Ленинградского военного округа. В общей сложности округ имел в своем составе 426 тысяч человек, 9 589 орудий и минометов, 1857 танков и 2104 самолета, но часть этих сил находилась в Эстонии и южнее Ленинграда, в том числе больше половины танков и большая часть авиации¹⁷.

22 июня 1941 г. Гитлер в своем обращении к немецкому народу дал недвусмысленно понять, что Германия выступает “в союзе с финскими товарищами”. Сразу вслед за этим немецкие воздушные силы, базировавшиеся в Финляндии, начали установку мин неподалеку от советских военно-морских баз. Утром 25 июня советская авиация нанесла превентивный удар по финским аэродромам, где находились германские самолеты. В ответ Финляндия объявила СССР войну. Накануне Ленинградский военный округ был переименован в Северный фронт (командующий – генерал-лейтенант М.М. Попов).

Финские и немецкие части перешли в наступление в Северной Карелии в начале июля 1941 г. Наступление велось на кандалакшинском, ухтинском и ребольском направлениях. Целью противника было перерезать Кировскую железную дорогу, соединяющую Мурманск с Петрозаводском. С боями финны и немцы смогли продвинуться на 75–150 км, заняв населенные пункты Реболы, Алакурти, Куолярви и ряд других, но в августе – сентябре 1941 г. были остановлены на всех направлениях и больше продвинуться не смогли.

Главный удар финская армия нанесла на петрозаводском направлении. Развернутая здесь армия “Карелия” в составе 6,5 дивизии насчитывала свыше 100 тыс. чел. Ей противостояли три дивизии 7-й армии генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко. 10 июля началось генеральное наступление финнов. Советские войска оказывали упорное сопротивление, но под нажимом превосходящих сил врага отходили. 23 августа Север-

¹³ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М., 2009, с. 82.

¹⁴ Астахин Н.А. Оборона Заполярья. – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2010.

¹⁵ См.: Мягков М.Ю. Советско-финский фронт. 1941–1944 годы. – Новая и новейшая история, 2008, № 3, с. 148–150.

¹⁶ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 81.

¹⁷ Там же, с. 82.

ный фронт был разделен на Карельский и Ленинградский фронты. К началу сентября финны находились уже в 40 км от Петрозаводска и достигли р. Свирь в районе Лодейного Поля. 24 сентября 7-я армия была выведена из подчинения Карельского фронта и подчинена непосредственно Ставке. Командующим армией был назначен генерал армии К.А. Мерецков. К этому времени финские войска вышли к Онежскому озеру и охватили Петрозаводск с севера и запада. Бои за город продолжались до начала октября, финны заняли его лишь 3 октября.

Продолжая наступать, финские войска форсировали р. Свирь, но контрудар 7-й армии позволил стабилизировать обстановку. Понеся большие потери, к концу октября финские войска на Свири и действующая здесь 163-я немецкая дивизия перешли к обороне. Таким образом, план создать второе кольцо окружения вокруг Ленинграда был сорван советскими войсками. Севернее Петрозаводска финны продолжали наступать до декабря 1941 г., но после захвата Медвежьегорска они были остановлены западнее линии Беломоро-Балтийского канала.

Финское наступление на Карельском перешейке началось 10 июля 1941 г. В ходе ожесточенных боев советская 23-я армия генерала П.С. Пшеникова, несмотря на превосходство в танках и артиллерии, а также поддержку Балтийского флота, понесла серьезное поражение и отступала. Прижатые к северо-западному берегу Ладоги, советские части были эвакуированы кораблями Ладужской военной флотилии 12–22 августа, а остальные дивизии отошли к старой государственной границе. Советские войска пытались наносить контрудары, однако из-за плохой организации они не достигали своей цели. Упорные бои шли на Выборгском направлении, но 29 августа финны всё же заняли Выборг. 1 сентября потрепанные части 23-й армии заняли укрепления на старой государственной границе. В начале сентября финны взяли пос. Белоостров, но вскоре были выбиты оттуда советскими подразделениями. После этого интенсивность боевых действий на данном участке фронта резко снизилась, и такое положение сохранялось до лета 1944 г.¹⁸

В ходе оборонительных боев в Карелии и Заполярье советские войска понесли значительные потери и были вынуждены отступать. Но на северных рубежах Советского Союза агрессоры добились наименьших успехов и к осени 1941 года были остановлены почти на всех направлениях.

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В июле – сентябре 1941 г. на главном направлении немецкого наступления – московском – разыгралось ожесточенное сражение, сыгравшее важную роль в срыве блицкрига. По названию города, вокруг которого шли кровопролитные бои и который считался ключом к столице, оно получило название Смоленского. Но театр боевых действий был намного обширнее и покрывал огромное пространство, простиравшееся с севера на юг и с запада на восток на сотни километров.

Несмотря на упорные бои на реке Березина, вдоль шоссе Минск – Москва, героизм советских воинов, в том числе курсантов военных училищ при защите города Борисова, контрудары в районе Орши, подвижные войска группы армий (ГА) “Центр” – дивизии 2-й и 3-й танковых групп и передовые соединения 9-й и 2-й полевых армий вышли к 10 июля на Днепр и Западную Двину и в ряде мест сумели форсировать их. Основные силы этих армий, задержанные сражениями в Белоруссии, отстали от подвижных войск на 120–150 км. Тем не менее к началу наступления на Смоленск развернувшиеся немецкие войска превосходили силы Западного фронта в людях, артиллерии и самолетах в два раза, а в танках – в четыре. С 10 по 20 июля они прорвали оборону Западного фронта, продвинулись вперед до 200 км, окружили Могилев, захватили Оршу, Смоленск, Ельню, Кричев. 19-я, 16-я и 20-я советские армии оказались

¹⁸ Киселёв О.Н. Карелия оборона. – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Иллюстрированная энциклопедия. М., 2005, с. 256–257.

в сложнейшем положении. В это время на левом крыле Западного фронта вела наступление на бобруйском направлении 21-я армия. Она освободила города Рогачёв и Жлобин и сковала на некоторое время главные силы 2-й немецкой армии в междуречье Днепра и Березины¹⁹.

Рассмотрим, как развивались события в те жаркие июльские дни 1941 г. Обратимся прежде всего к замыслам и действиям германского командования.

Прорваться с ходу на Москву ГА “Центр”, в состав которой входили мощные танковые группы Г. Гудериана и Г. Гота, не смогла. Несмотря на то, что советские войска понесли большие потери, немецкое наступление в дальнейшем протекало не столь гладко, как на то рассчитывали германские генералы. В середине июля части вермахта вышли к Смоленску, где завязались ожесточенные бои с 16-й (командующий генерал-лейтенант М.Ф. Лукин), 19-й (командующий генерал-лейтенант И.С. Конев) и 20-й (командующий генерал-лейтенант П.А. Курочкин) армиями Западного фронта. ГА “Север” вынуждена была приостановить наступление, встретив упорное сопротивление советских войск на Лужском рубеже обороны. Левый фланг ГА “Юг” завяз в боях с 26-й армией генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко и 5-й армией генерал-майора танковых войск М.И. Потапова на линиях Коростеньского и Киевского укрепрайонов²⁰.

Командование ГА “Центр” желало обезопасить себя от неожиданностей в ходе дальнейшего наступления. 13 июля 1941 г. фон Бок телеграфировал главнокомандующему сухопутными войсками В. фон Браухичу, что намеревается сосредоточить все усилия на том, чтобы разбить отходящие за Днепр войска противника и не дать им возможность организовать дальнейшее сопротивление. Поэтому он предлагал сначала “всеми силами овладеть районом восточнее Смоленска”²¹.

16 июля передовые части Гудериана ворвались в южную часть Смоленска, а накануне соединения Гота вышли северо-восточнее Смоленска, к автостраде Минск – Москва. Завязались упорные бои за город, захват которого означал помимо прочего и новое крупное окружение войск Западного фронта. Одновременно с попытками овладеть Смоленском соединения 2-й и 3-й танковых групп стремились развить наступление к востоку от него, чтобы осуществить еще более глубокий охват советских войск. Этот охват удался, но полностью замкнуть кольцо вокруг сил Красной Армии, действовавших восточнее Смоленска, немцы не смогли – в распоряжении советского командования оставался небольшой коридор с переправой на Днестре у Соловьёва. Тем не менее западнее Смоленска части вермахта пленили 310 тыс. солдат и офицеров РККА. Ставке верховного командования пришлось вводить в действие на западном стратегическом направлении третий наспеш сформированный эшелон войск, который составили 29-я, 30-я, 24-я, 28-я, 31-я и 32-я армии, образовавшие новый Резервный фронт. Его возглавил 30 июля генерал армии Г.К. Жуков.

Как известно, Смоленское сражение продолжалось более двух месяцев. Немцам пришлось столкнуться с упорством противника, который получал все новые подкрепления. По данным разведотдела штаба 2-й армии на 19 июля 1941 г., перед фронтом ГА “Центр” войсковой разведкой были выявлены 123 стрелковых дивизий, 24 танковых дивизий, 10 танковых бригад, 3 кавалерийских дивизии Красной Армии. По мнению немецкой разведки, «для того чтобы удержать свой важнейший фронт – “Смоленские ворота”, русские бросили в бой все имеющиеся где-либо в их распоряжении силы». Отмечалась переборка советских войск с Кавказа, из Средней Азии, Сибири и северных районов Советского Союза. Перед фронтом ГА “Центр” было выявлено около 20 вновь сформированных с начала июля дивизий, в отдельных случаях состоящих

¹⁹ Особенно отличился в этих боях 63-й корпус комкора Л.Г. Петровского, который вскоре был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командующим 21-й армией, но при прорыве из окружения погиб (за Петровским прислали самолет, но он отказался оставить вверенные ему войска).

²⁰ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы, т. 2. М., 1973, с. 198.

²¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 572, л. 10.

почти целиком из только что призванных запасников²². Всё это никак не увязывалось с расчетами немецкого командования решить исход кампании до линии Днепр – Двина. Группа фон Бока продвинулась до этого рубежа, но пока о крахе советской обороны не могло быть и речи. Командующие германскими соединениями столкнулись с активным противодействием Красной Армии как на основном фронте, так и у себя в тылу. Линии коммуникаций германских соединений подвергались постоянным атакам выходящих из окружения советских подразделений. Немецкие танки совершали вынужденные остановки из-за отсутствия горючего и запасных частей. Много неприятностей врагу доставляли новые советские бронированные машины, имевшие превосходство над германскими аналогами. В одном из документов штаба Западного фронта, адресованном начальникам штабов армий, прямо говорилось, что “танки противника с нашими Т-34 и КВ в бой не вступают”. От командиров на фронте требовалось действовать смелее, так как немецкая пехота не выдерживает штыковых атак, решительно перехватывать пути подвоза, пресекать распространение всяческих панических слухов, не бояться вклинения танков в свою оборону, поскольку противник сам оказывается в этом случае окружен нашими войсками²³.

Всё это были правильные распоряжения. Но выполнить их на практике, в условиях быстрого отступления, отсутствия хорошей связи, а самое главное – достаточного числа опытных и решительных полевых командиров и подготовленных красноармейцев – было нереально. Опыт давался большой кровью.

В тот же период всё явственнее обозначался разрыв между вырвавшейся вперед ГА “Центр” и отстававшей ГА “Юг”. Германское командование попыталось решить эту проблему действием части сил 2-й танковой группы и 2-й армии в юго-восточном направлении. Однако разрыв между группами армий в то время устранить было невозможно – ГА “Центр” была связана боями под Смоленском, а ГА “Юг” ничего не могла поделать с активностью 5-й советской армии Юго-Западного фронта в районе Припятских болот. Фон Боку пришлось отметить 15 июля 1941 г. в телефонном разговоре командующим сухопутными войсками В. фон Браухичем тот факт, что “на реке Днепр и восточнее ее в настоящее время происходит сражение, которое хотя и началось хорошо, но исход которого еще совершенно не решен. Не следует, исходя из местной оценки, считать там общее положение слишком легким. Победа еще не одержана”.

Фон Браухич в свою очередь заявил: “Не может быть и речи о дальнейшем продвижении танков на восток, после овладения районом Смоленск. Русские дерутся не так как французы, они нечувствительны на флангах. Поэтому основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских”²⁴.

Между тем Гитлер, казалось, решил, что о каком-либо значительном сопротивлении русских в центре фронта речи уже быть не может. Штаб оперативного руководства вооруженных сил Германии по-прежнему рассчитывал на продолжение операций как на флангах советско-германского фронта, так и на московском направлении. Согласно директиве верховного командования вооруженных сил Германии (ОКВ) №33 от 19 июля 1941 г., группе армий “Юг” предстояло уничтожить 12-ю и 6-ю советские армии и совместно с ГА “Центр” разгромить 5-ю армию. ГА “Север” должна была обеспечить стык 18-й армии и 4-й танковой группы и обезопасить свой восточный фланг силами 16-й армии. Много ГА “Центр” предстояло прикрывать правый фланг ГА “Север”; перерезать дорогу Москва – Ленинград; помочь наступлению ГА “Юг”, продвигаясь силами 2-й армии и 2-й танковой группы в юго-восточном направлении; “осуществлять дальнейшее наступление на Москву силами пехотных соединений”²⁵.

23 июля 1941 г. в дополнении к этой директиве, подписанной В. Кейтелем, указывалось, что группе армий “Центр” силами пехотных соединений необходимо “раз-

²² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 72, л. 43–47.

²³ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 36, л. 130.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 72, л. 30–33.

²⁵ Дашичев В.И. Указ. соч., т. 2, с. 208.

бить противника, расположенного между Смоленском и Москвой и по возможности выдвинуть при этом свой левый фланг, овладеть Москвой”. 3-ю танковую группу намечалось временно передать в подчинение ГА “Север” с задачей обеспечения правого фланга группировки во время захвата Ленинграда²⁶. Вызывает удивление такое решение верховного командования Германии – бои под Смоленском были в самом разгаре, немцы несли значительные потери в людях и технике. В этих условиях ставить задачу прорваться к советской столице только пехотными соединениями было по меньшей мере самонадеянно. Ослабленной ГА “Центр” это оказывалось вряд ли под силу. Фон Бок указывал Браухичу в разговоре по телефону 26 июля: «русские “обтягивают” весь фронт группы армий и везде готовы к бою»²⁷. Безостановочное наступление на Москву по этой причине становилось невозможным.

С 21 июля по 7 августа на Западном направлении советское командование провело контрнаступление, используя для этой цели 14 дивизий Фронта резервных армий. Были созданы пять армейских оперативных групп (24-й, 28-й, 29-й, 30-й армий и оперативная группа генерал-майора К.К. Рокоссовского), переданные в состав Западного фронта. В ходе боевых действий образовались два основных очага борьбы, один – в районе Смоленска, Ельни, другой – на реке Сож и в междуречье Днепра и Березины. По этой причине из двух армий левого крыла Западного фронта (13-я 21-я армии) и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был образован Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова (с 5 августа – генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова). И хотя советские войска не смогли разгромить смоленскую группировку противника, они сорвали возможность продвижения группы армий “Центр” на Москву. 30 июля ее войска были вынуждены перейти к обороне.

Решение ОКВ, сформулированное в директиве № 34 от 30 июля 1941 г., предусматривало следующее: приостановить наступление ГА “Центр”; 3-ю танковую группу не разрешалось вводить в бой, 2-я и 3-я танковые группы должны были получить пополнение²⁸. Впоследствии Ф. Паулюс отмечал, что ГА “Центр” “не хватало сил для того, чтобы, достигнув Смоленска, развивать наступление на Москву. Гитлер приказал наступление передвинуть на более поздний срок”²⁹.

Рассматривая планы немецкого командования в период июля – августа 1941 г., академик А.М. Самсонов делал обобщающий и в целом верный вывод о том, что “смоленское сражение изматывало силы врага и задерживало его на главном стратегическом направлении. Возрастающее сопротивление Красной Армии не только в центре, но и на флангах советско-германского фронта сковывало наступление противника, не допускало его дальнейшего продвижения”³⁰. Как отмечал Г.К. Жуков в мемуарах, оба фланга ГА “Центр” оказались открытыми, что создавало им серьезную угрозу. Без их обеспечения войска группы не могли наступать³¹.

Отметим также, что немедленно возобновив наступление на восток, группа фон Бока могла бы, вероятно, прорвать фронт обороны Красной Армии на отдельных участках и улучшить свое оперативное положение, но выполнить более значительную задачу и сокрушить стратегическую оборону советских войск на западном направлении ей было вряд ли под силу. К концу июля против ее соединений стояли уже свежие советские силы. Приостановка наступления немецких войск на главном стратегическом направлении, которая не означала, однако, снижения накала боев и прекращения контратак советских войск в районе Смоленска, позволила Красной Армии пополнить личным составом поредевшие воинские части, сформировать новые и выдвинуть их

²⁶ Там же, с. 210.

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 571, л. 83–87.

²⁸ Дашичев В.И. Указ. соч., т. 2, с. 212.

²⁹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 15, л. 1–14.

³⁰ Самсонов А.М. Москва, 1941 год. От трагедии поражений – к великой победе. М., 1991, с. 44.

³¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, т. 1. М., 2002, с. 351.

(порой плохо вооруженные и недостаточно подготовленные) для укрепления обороны Москвы.

Осуществление планов верховного командования Германии, несмотря на все усилия Главного командования сухопутных войск Германии (ОКХ) и ОКВ, оказалось под вопросом. В тексте дополнения к директиве ОКВ № 34, изданном 12 августа 1941 г., говорилось, что только после полной ликвидации угрожающего положения на флангах ГА “Центр” и пополнения танковых групп, будут созданы условия для наступления на Москву. Целью такого наступления было овладение городом еще до наступления зимы, нарушение работы государственного аппарата и лишение его возможности восстановить вооруженные силы³².

Предпосылкой к дальнейшему продвижению ГА “Центр” на восток могло стать успешное завершение уничтожения частей 16-й и 20-й советских армий, отрезанных в районе севернее и северо-восточнее Смоленска. Однако стойкость советских воинов не позволила немецкой армии добиться желаемого результата. Войска Западного фронта под командованием маршала С.К. Тимошенко предприняли энергичные меры по выводу окруженных частей на восток. В результате основным силам 16-й и 20-й армий удалось переправиться на восточный берег Днепра у Соловьёвской переправы и занять там новую линию обороны. Контрудары Красной Армии продолжались со всё возрастающей силой. Ожесточенные бои на этом участке не утихали вплоть до середины сентября 1941 г.

Немецкие войска несли серьезные потери. На начало сентября в результате непрерывных сражений боевая численность пехотных подразделений ГА “Центр” снизилась настолько, что начала внушать опасения немецкому командованию. Штаб 2-й немецкой армии констатировал, что в ротах осталось в среднем один, в редких случаях два офицера, 10 унтер-офицеров и 70 рядовых. Вследствие непрерывных и очень больших переходов ухудшилось состояние здоровья личного состава³³. В некоторых танковых дивизиях группы армий (как например в 7-й танковой дивизии) осталось не более 50% боеготовых бронированных машин³⁴. Но потери Западного фронта в Смоленском сражении были намного бóльшими, о чем будет сказано ниже.

Проблема флангов наступающей группировки фон Бока в августе 1941 г. выходила на передний план. Не обезопасив их, невозможно было проводить дальнейшее продвижение на восток. Но устранение, например, угрозы с юга, могло стоить немцам потери темпа на главном, московском направлении. С другой стороны, командование сухопутных войск вермахта не могло не видеть, что выход 2-й танковой группы и 2-й армии во фланг и тыл Юго-Западному фронту (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос) создавал очевидные перспективы разгрома советских армий, оборонявших Киевский УР, и обеспечивал столь необходимый стык ГА “Центр” и “Юг”³⁵. Кроме того, быстрое уничтожение советских армий под Киевом давало вермахту шанс сконцентрировать затем основные силы на главном направлении и провести решающее наступление на Москву еще до наступления морозов. Гитлер это понимал. Поэтому он при непосредственном участии начальника штаба оперативного руководства ОКВ А. Йодля подготовил новую директиву, которая 21 августа 1941 г. была направлена командующему сухопутными войсками. В ней, в частности, говорилось:

“Главной задачей до наступления зимы является не взятие Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на Донце и лишение русских возможности получения нефти с Кавказа; на севере – окружение Ленинграда и соединение с финнами”. Только при этих условиях, указывалось в директиве, создавались предпосылки

³² Дашичев В.И. Указ. соч., т. 2, с. 214–215.

³³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 72, л. 152–153.

³⁴ Там же, л. 158.

³⁵ Дашичев В.И. Указ. соч., т. 2, с. 201.

и освобождались силы и средства для успешного наступления и уничтожения группы армий Тимошенко, т.е. советских войск, прикрывавших Москву³⁶.

По сути дела, директива от 21 августа означала признание Гитлером того факта, что концепция молниеносной войны дала глубокую трещину. Однако окончательно отменить наступление на Москву еще в 1941 г. он вряд ли бы смог – большинство генералов на фронте отнеслось бы к такому повороту событий чрезвычайно болезненно.

Советская разведка отмечала признаки замешательства, возникшие тогда в высшем германском командовании. В одном из подготовленных ею документов от 24 августа 1941 г., озаглавленном “Планы и внутривойсковое положение Германии”, говорилось, что провал молниеносной войны против СССР германское верховное командование старается оправдать, во-первых, отсрочкой нападения на Советский Союз в связи с войной на Балканах, и, во-вторых, неудовлетворительной работой немецкой разведки в предвоенные годы, особенно в отношении истинного количества советских танков и самолетов. Германским руководством “было слабо изучено как внутривойсковое положение страны, так и состояние Красной Армии”. Отмечалось, что “зимнюю передышку в затянувшейся войне с СССР немецкое командование предполагает использовать для новой кампании в Средиземном море, а после ее окончания начать вторжение в Англию”³⁷.

Последние слова вызывают недоумение: какими, например, силами немцы хотели вторгнуться на Британские острова? Однако здесь для нас важно прежде всего упоминание о “зимней передышке”, о провале “молниеносной войны”.

Но пока ни Ставка, ни Генштаб РККА, ни командование на фронте не намеревались давать немцам хоть какую-нибудь передышку. В любой удобный момент необходимо было контратаковать врага и попытаться отбросить его на запад. В конце июля – начале сентября 1941 г. жаркие бои разгорелись в районе г. Ельня. Взятие немцами в середине июля этого районного города, который оказался в центре так называемого ельнинского выступа, поначалу не вызвало серьезного беспокойства у начальника Генштаба Г.К. Жукова. Это направление в любом случае, по его мнению, было прикрыто надежно³⁸. Однако германский прорыв к Ельне сильно обеспокоил Сталина – он считал, что здесь возник опасный плацдарм для удара на Москву. Кстати, в качестве “передовой линии для дальнейшего продвижения в глубь страны” район Ельни рассматривали тогда и сами немцы. Эту мысль высказал на допросе в советском штабе пленный ефрейтор Ф. Митерман в августе 1941 г.³⁹ Жукову и Тимошенко было поручено отбить Ельню. Уже 22 июля 1941 г. командующий оперативной группой 28-й армии генерал-майор П.Г. Егоров отдал приказ на уничтожение противника, прорвавшегося к городу⁴⁰. Но боевые действия с окопавшимися германскими частями приняли здесь затяжной характер и продолжались до начала сентября.

В то же время советские войска провели на Западном фронте ряд других наступательных операций с целью предотвратить дальнейшее продвижение немецких сил на Москву и по возможности разгромить ударные группировки ГА “Центр”, нацеленные на советскую столицу.

Не всё получалось гладко, советские войска продолжали преследовать неудачи. Так, войска Западного и 24-й и 43-й армий Резервного фронта 16 августа наряду с ударами в районе Ельни развернули наступление против духовщинской группировки врага, однако добиться большого успеха не смогли. С 22 августа советское командование расширило масштабы наступления, стремясь нанести крупное поражение группе армий “Центр” и сорвать ее продвижение в южном направлении. Но и это наступление ни к чему не привело. В то же время усиленный новыми частями Резервный фронт, ко-

³⁶ Там же, с. 234–235.

³⁷ ЦАМО РФ, ф. 28, оп. 11627, д. 81, л. 116.

³⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 5.

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 1032, д. 9, л. 41–43.

⁴⁰ ЦАМО РФ, ф. 382, оп. 8439, д. 4, л. 27.

торый возглавил генерал армии Г.К. Жуков, всё же одержал вскоре серьезную победу. К началу сентября ему удалось ликвидировать немецкий плацдарм, угрожавший всей обороне Красной Армии на московском направлении.

В период с 30 августа по 8 сентября 24-я армия Резервного фронта под командованием генерал-майора К.И. Ракутина разбила ельнинскую группировку и заставила ее оставить оперативный выступ площадью свыше 625 кв. км. Под Ельней родилась советская гвардия. 18 сентября приказом наркома обороны за массовый героизм и воинское мастерство, проявленные в боях под этим городом, первыми в Красной Армии были удостоены звания гвардейских 100-я и 127-я стрелковые дивизии 24-й армии, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. Этим же приказом в 3-ю и 4-ю гвардейские были преобразованы 153-я и 161-я стрелковые дивизии.

10 сентября Смоленское сражение завершилось. Войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне. Расчеты противника на безостановочное продвижение к Москве были сорваны. Самой сильной группировке немецких войск – группе армий “Центр” также пришлось перейти к обороне и отложить на два месяца наступление на московском направлении. Ее потери с начала войны и до конца сентября 1941 г. составили 229 тыс. чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Смоленское сражение явилось важным этапом в срыве Красной Армией плана “Барбаросса”. Но этот успех она оплатила большой кровью. Общие людские потери советских войск в этом сражении составили почти 760 тыс. чел., из которых 486 тыс. (64%) – потери безвозвратные⁴¹.

Период с середины до конца сентября можно назвать временем относительной стабилизации на западном направлении советско-германского фронта. Само это понятие не означало окончание кризиса, но появились надежды, что ход войны может в скором времени измениться – подход новых частей РККА перетянет чашу весов в советскую пользу, немцы дрогнут и начнут откатываться на запад. Эти надежды, как может показаться сегодня, были достаточно наивными. Не учитывался общий ход боевых действий, планы германского командования, сохранявшаяся мощь вермахта. Но в полосе Западного фронта у советского командования возникло стремление использовать относительную передышку для обобщения уже накопленного опыта войны, уяснив себе, в чем предвоенные установки оказались верными, а в чем ложными. Речь не шла пока о всеохватывающих выводах и заключениях, для этого пока не прошло время, не имелось и достаточных источников. Однако ряд выводов был сделан. В этой связи представляются интересными наблюдения по итогам сражений начального периода войны генерал-лейтенанта С.А. Калинина, находившегося в августе 1941 г. при штабе Западного фронта. Калинину, командовавшему до этого войсками 24-й армии, Военный совет Западного фронта поручил составить доклад на основе опыта боевых действий первых месяцев войны. 25 сентября такой документ под заглавием “Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя” был подготовлен. Естественно, на тот момент материал адресовался только высшему командному звену фронта. Документ отражал неприкрытую правду войны. Генерал достаточно четко выделил особенности тактики немецких частей и соединений в начальный период боевых действий – организацию ими ударов во фланг и тыл, создание ловушек, четкое взаимодействие пехоты, танков и авиации. В то же время Калинин – возможно, раньше, чем кто-либо другой в РККА – отметил появившуюся у германского командования осторожность, нежелание зарываться далеко вперед. Весьма интересно замечание генерала относительно способов окружения немцами частей Красной Армии. К сожалению, они не были тогда в должной мере восприняты командованием Западного фронта. Вывод о том, что строевую подготовку в РККА необходимо поставить во главу угла обучения войск можно назвать достаточно спорным. Но трудно отрицать то, что многие советские части летом – осенью 1941 г. не проявляли достаточной стой-

⁴¹ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 91.

кости в обороне. Естественно, одной строевой выучки для этого мало, но без нее не добиться желаемой сколоченности подразделений, частей и соединений⁴².

В докладе делается также ряд обобщений стратегического характера. Калинин отмечает, в частности, ошибки командования Западного и Прибалтийского особых военных округов в выносе развертывания к границе, но в то же время говорит, что было время исправить их в соответствии с “большим, гениальным решением” строить оборону по линии Осташков, Дорогобуж, Рославль, где боеспособные войска РККА были бы сильнее немцев. Необходимо заметить, что такое решение действительно приняли перед самой войной, 21 июня 1941 г., на заседании политбюро ЦК ВКП(б). Рубеж обороны предполагалось строить вдоль рек Днепр и Десна – от Осташкова на Трубчевск.

Текст документа свидетельствует, что его автор проделал большую статистическую работу, обобщил некоторые данные о потерях Западного фронта (безвозвратных и санитарных). Однако к некоторым выводам генерала следует отнестись чрезвычайно осторожно. Приведенная им цифра о том, что 10% ранений военнослужащих Западного фронта стали результатом самострела – основана прежде всего на известном чувстве недоверия. Подобные случаи, конечно, имели место в наших войсках (они происходят во всех армиях, особенно в тяжелые времена), но подсчитывать их процент на основе непроверенных и скудных донесений представляется абсолютно неправильным.

Ряд предложений С.А. Калинина, относившихся к улучшению подготовки войск, ведения боя были дельными и на тот момент очень своевременными. Сейчас трудно сказать насколько полно ими воспользовалось командование Западного фронта, а впоследствии, возможно, и высшее военное руководство страны. Но некоторые последующие приказы Генштаба и Наркомата обороны содержат те же положения, что и доклад Калинина. Это касается директив Генштаба и НКО об организации взаимодействия родов войск, установлении на фронте сокращенного срока выслуги очередного воинского звания и т.д.⁴³

В конце августа 1941 г. германское командование стало опасаться, что до начала зимы кампания в России не будет завершена, тем более что группировка советских войск на московском направлении в августе значительно усилилась. В противоборстве Германии с Советским Союзом наступал новый этап. Немецким генералам было ясно, что о легком продвижении в направлении советской столицы придется забыть.

КАТАСТРОФА НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В августе 1941 г. фланговая угроза ГА “Центр” обострилась, советские войска Юго-Западного фронта не думали уступать врагу столицу Украины. Гитлер 6 сентября принял решение уничтожить советские части на южном фланге Восточного фронта и создать условия для решающего удара по столице СССР. К моменту завершения приграничных сражений ситуация на юго-западном направлении (ЮЗН) складывалась следующим образом.

Германское командование решило отложить наступление на Москву до тех пор, пока не будет ликвидирована созданная Красной Армией угроза флангам группы армий “Центр”, и прежде всего – ее южному флангу. С этой целью оно 8 августа развернуло на юг 2-ю полевую армию и 2-ю танковую группу. Войска Центрального фронта не выдержали их удара и отступили к юго-востоку, оголив фронт на брянском направлении. Для его прикрытия 16 августа был создан Брянский фронт под командованием генерал-лейтенанта А. И. Ерёмко.

⁴² Впрочем, некоторые фронтовики в важности занятий строевой подготовкой для действий в боевых условиях сомневаются до сих пор (см., напр.: *Пушкарёв Л.Н.* Из воспоминаний участника обороны Москвы) октябрь – декабрь 1951 г.). – Отечественная история, 2005, № 2, с. 51.

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2524, д. 13, л. 1–27.

19 августа в Москве стало известно о повороте 2-й танковой группы Гудериана на юг. Сознавая угрозу тылу Юго-Западного фронта, Ставка разрешила отвести войска 5-й армии и 27-го стрелкового корпуса на левый берег Днепра, но это “не решало возникшей проблемы охвата отводимых войск с севера”, тем более что Киев (на правом берегу реки) необходимо было удерживать в любом случае⁴⁴. Киев защищали войска, объединенные под руководством командующего 37-й армией генерал-лейтенанта А.А. Власова (в будущем печально известного руководителя коллаборационистской “Русской освободительной армии”). Кроме того, по р. Десна против 2-й танковой группы разворачивалась советская 40-я армия. К 21 августа противник продвинулся на 120–140 км и глубоко вклинился между Брянским и Центральным фронтами, создав угрозу флангу и тылу Юго-Западному фронту. Но к концу месяца обстановка на время стабилизировалась. Немцам не удалось сходу форсировать Днепр, и они завязли в боях за Киев.

Киевляне готовы были любой ценой отстоять свой город. Тысячи людей вступали в народное ополчение. В Красную Армию добровольно вступило 200 тыс. чел. Десятки тысяч людей трудились на строительстве оборонительных сооружений. Необходимо отметить, что Ставка также не намерена была сдавать город. Еще во время встречи Сталина с посланником Ф. Рузвельта Г. Гопкинсом в конце июля 1941 г., когда обсуждались важнейшие проблемы организации военной помощи СССР со стороны США, советский лидер заявил, что линия фронта к концу года будет проходить западнее Киева и город не будет сдан врагу. Сталин мыслил категориями и стратегии, и международной политики, и морального фактора. Сдача города создавала критическую ситуацию на южном фланге советско-германского фронта, давала шанс вермахту уже в 1941 г. прорваться к кубанскому хлебу и бакинской нефти, осложняла международное положение СССР, вызывая сомнение в возможностях Красной Армии в США и Великобритании, больно ударило по чувствам советских людей (не только украинцев, но и русских и представителей других национальностей), видевших в Киеве свой город, который нельзя отдавать на растерзание врагу. И в этом смысле понятен резкий отказ Сталина прислушиваться к достаточно здравым доводам начальника Генштаба Г.К. Жукова, предложившего еще в конце июля 1941 г. отвести советские части на левый берег Днепра и тем самым эвакуировать город⁴⁵. Жуков исходил из категорий стратегической необходимости, Сталин – скорее политических и моральных причин. После конфликта из-за Киева Жукова отправили командовать Резервным фронтом для организации среди прочего наступления на плацдарм противника в районе Ельни. И еще одно обстоятельство. Советский лидер считал, что большинство командиров Красной Армии в то время просто не могли грамотно проводить масштабное отступление. Только в полосе Юго-Западного фронта, который нес ответственность за оборону Киева, в конце июля – начале августа 1941 г. были окружены и уничтожены в Уманском котле 6-я и 12-я советские армии. Гарантии того, что части Киевского укрепленного района не постигнет та же участь в случае их отступления за Днепр от столицы Украины, отнюдь не было⁴⁶. Кроме того, отдать врагу Киев означало “самоликвидировать” угрозу флангу группы армий “Центр”. В этом случае наступление на Москву Гитлер мог начать уже в конце августа⁴⁷.

⁴⁴ *Рязанцев В.Б.* Обреченный на подвиг: трагическая судьба командующего Юго-Западным фронтом генерала М.П. Кирпоноса. – Новая и новейшая история, 1991, № 5, с. 101.

⁴⁵ *Жуков Г.К.* Указ. соч., т. 1, с. 352–353.

⁴⁶ Впрочем, во многом ответственность за окружение под Уманью 6-й и 12-й армий несли прежде всего Ставка и командование Южного фронта (генерал армии И.В. Тюленев) (см.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки, кн. 1. М., 1998, с. 187–188).

⁴⁷ С другой стороны, правда, удалось бы сохранить основную часть войск Юго-Западного фронта, которые могли бы и дальше мешать действиями на флангах наступлению на Москву (см. Отечественная история, 2002, № 3, с. 188).

Судьба Киева решалась не на позициях Киевского УРа, а южнее и севернее столицы Украины. Группа Гудериана столкнулась с упорной обороной 40-й армии и сильными контратаками с левого фланга войск Брянского фронта. Но с 9 сентября Гудериан перешел в наступление и прорвал оборону 40-й армии. Контрудары Брянского фронта А.И. Ерёмченко, ранее пообещавшего Сталину “разбить подлца Гудериана”, к успеху не привели. Между тем еще 31 августа пехотные части 17-й армии Клейста смогли захватить южнее Киева небольшой плацдарм на левом берегу Днепра в районе Кременчуга. 38-я армия пыталась исправить ситуацию, но тщетно. В начале сентября на кременчугский плацдарм была переброшена вся 1-я танковая группа. К северо-востоку от Киева противник занял плацдармы на южном берегу Десны. Ситуация становилась угрожающей. Командование Юго-Западного фронта видело приближающееся окружение и коллапс всей обороны советских войск на этом направлении.

В начале сентября командование Юго-Западного фронта и Генеральный штаб по-настоящему забили тревогу. Теперь уже новый начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников и его заместитель генерал-майор А.М. Василевский предложили Сталину оставить Киев, отвести войска за Днепр и тем самым спасти силы фронта. Но Сталин оставался при своем мнении – Киев не сдавать! Тот же отказ получили 10 сентября командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос и главком Юго-Западного направления маршал С.М. Будённый (вскоре Будённого на его посту сменил маршал С.К. Тимошенко).

На новое предложение Кирпоноса отвести войска от Киева, чтобы парировать удар Гудериана, маршал Шапошников в переговорах по прямому проводу со штабом Юго-Западного фронта заметил:

“1. Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваше предложение пока преждевременным.

2. Что же касается средств для парирования вылазок противника (sic! – М.М.) на Вашем правом фланге, то я предложил Вам свой вариант решения⁴⁸. Может быть, Вы найдете иной выход для укрепления правого фланга”.

Кирпонос согласился следовать указаниям Ставки, и можно догадываться, что у него тогда творилось на сердце. “Если наше предложение о КИУРе отпадает, – отвечал он, – другого выхода нет. У меня всё.

Шапошников: О КИУРе можно говорить только в связи с общим решением, а общее решение преждевременно. Пока всё. До свидания.

Кирпонос: Хорошо. Будем выполнять. До свидания”⁴⁹.

Сталин всё еще надеялся, что Ерёмченко всё-таки удастся прорваться в тыл Гудериану, поэтому он запрещал снимать войска из-под Киева для локализации прорыва. Окружение советской группировки было предрешено.

14 сентября в 3 ч 25 мин начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В.И. Тупиков через голову Кирпоноса обратился к начальникам Генштаба и штаба Главкома Юго-Западного направления с телеграммой, в которой охарактеризовал тяжелое положение войск фронта и сделал вывод: “Начало понятной вам катастрофы – дело пары дней”. Катастрофа, конечно, означала полное окружение сил Юго-Западного фронта. В ответ пришла телеграмма Шапошникова с обвинениями Тупикова в паникерстве следующего содержания:

“Командующему ЮЗФ, копия Главкому ЮЗН.

Генерал-майор Тупиков [за] номером 15614 представил в Генштаб паническое доносение. Обстановка, наоборот, требует сохранения, исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать

⁴⁸ Речь шла о переброске части сил на север с малоугрожаемых участков, о необходимости бить врага авиацией, но не о сдаче Киева.

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 973, д. 1, л. 176–180. КИУР – Киевский укрепленный район.

фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова⁵⁰ прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад. Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9. Б. Шапошников”.

Эта телеграмма в последние годы публиковалась неоднократно⁵¹. Однако рассекреченные недавно документы Архива Министерства обороны позволили нам ознакомиться с подлинником документа, подписанным лично Шапошниковым. Оказалось, что в нем зачеркнуто несколько строчек, уточняющих позицию Генштаба РККА, которые его начальник, очевидно, решил не передавать исходя из особенности момента – необходимости быть жёстким и кратким. Кирпонос должен выполнить указания, а все объяснения оставлены на потом. Вот эти строчки: после слов “надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход”, Шапошников писал: “Надо вам всем понять, что в прочном удержании флангов и закрытии прорыва ваше спасение. Отход в данной обстановке неминуемо повлечет к катастрофе” (sic). Вероятней всего, на тот момент Шапошников был прав – Ставка слишком затянула с отходом. И еще одна любопытная деталь: в абзаце со словами “Необходимо неуклонно выполнить указания т. Сталина, данные вам 11.9” были зачеркнуты строки о том, что это указания “Ставки Верховного главнокомандования” и что они были даны “при личном разговоре со Сталиным”⁵². Ушедший в штаб Кирпоноса конечный вариант, пожалуй, позволяет лучше понять личность человека, отдавшего распоряжение не оставлять Киев.

В 4 ч 15 сентября Кирпонос отправил следующую телеграмму в Ставку: “Москва. Товарищу Сталину. Обстановка требует немедленного вывода войск из КИУР. Со стороны Козелец противник стремится отрезать Киев с востока. Резерва для парирования этого удара нет. Противник к исходу 14.9.41 г. находился в 40 км от Киева”. В разговоре по прямому проводу с Главкомом ЮЗН С.К. Тимошенко и членом Военного совета ЮЗН Н.С. Хрущёвым около 18.00 15.09.1941 г. Шапошников заметил: “Считаю, что мираж окружения охватывает прежде всего Военный Совет Юго-Западного фронта, а затем командующего 37-й армией [А.А. Власова]... Кирпонос занял позиции пассивного сопротивления противнику”. Тимошенко и Хрущёв согласились с тем, что командование Юго-Западного фронта пассивно и не организует мощных контрударов по врагу⁵³.

Но в тот же день, 15 сентября, катастрофа стала фактом. В районе Лохвицы соединились части 2-й танковой группы врага, наступавшей с севера, и 1-й танковой группы, прорвавшейся с кременчугского плацдарма, кольцо вокруг Юго-Западного фронта замкнулось. В крупнейшем с начала войны окружении оказались соединения 5-й, 26-й и 37-й армий Юго-Западного фронта, а также 21-й армии Центрального фронта и частично 38-й армии, всего 452,7 тыс. чел.⁵⁴ 16 сентября начальник оперативного управления штаба Юго-Западного фронта И.Х. Баграмян сообщил об устном приказе Тимошенко на немедленный отход войск, отданный им после переговоров с Москвой⁵⁵. Он помнил предыдущий запрет Сталина на отступление и потребовал письменного подтверждения. Пробиваться из кольца стали только на следующий день, но к тому времени возможность сделать это организованно была уже окончательно утрачена.

Советские части были расчленены и не обладали ударной мощью. 19 сентября 1941 г. они оставили Киев. При попытке прорыва на восток 20 сентября погибло почти всё руководство Юго-Западного фронта, в том числе генерал-полковник М.П. Кирпонос, начальник штаба фронта генерал-майор В.И. Тупилов и другие. Командующий 5-й армией М.И. Потапов попал в плен. Бои в котле продолжались до 26 сентября, а разрозненные части выходили на восток до 2 октября (всего сумели пробиться около

⁵⁰ Командующие 21-й и 5-й армиями соответственно.

⁵¹ В том числе и на страницах “Новой и новейшей истории” (см.: *Рязанцев В.Б. Указ. соч.*, с. 106).

⁵² ЦАМО РФ, ф. 16, оп. 3408 сс, д. 15, л. 431.

⁵³ Там же, оп. 973, д. 1, л. 202–206.

⁵⁴ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 85.

⁵⁵ По мнению В. Б. Рязанцева, Тимошенко действовал без согласования со Ставкой и тем самым “решился на невиданное” (*Рязанцев В.Б. Указ. соч.*, с. 106).

15 тыс. чел.). Красная Армия лишилась 28 тыс. орудий, 411 танков и множества другого оружия. По немецким источникам в районе Киева было захвачено около 665 тыс. чел.⁵⁶ По отечественным данным, весь Юго-Западный фронт потерял безвозвратно в Киевской оборонительной операции с 7 июля по 26 сентября 1941 г. 531 тыс. чел.⁵⁷ Защищая столицу Украины, советские войска понесли тяжелое поражение. Через день после прихода нацистов в Киев оккупационные власти развернули в городе массовые репрессии против мирных граждан, десятки тысяч евреев, подпольщиков и военнопленных были расстреляны в овраге Бабьего Яра.

Немецкие передовые части стремились на восток. В результате потери Киева в тяжелейшем положении оказалась 18-я армия Южного фронта, 16 октября пала Одесса, 17 октября – Таганрог, 25 октября – Харьков, 2 ноября – блокирован Севастополь. У немецкого командования, казалось, появилась возможность быстро захватить Ростов-на-Дону и уже к концу года выйти к кавказским сырьевым источникам. В то же время 2-я танковая группа Гудериана (преобразованная во 2-ю танковую армию) шла усиленным маршем в северо-восточном направлении. Перед нею стояла задача участвовать в захвате Москвы. Таким образом, поражение советских войск под Киевом способствовало выполнению германским командованием главной задачи кампании – овладению советской столицей. Захват Москвы должен был, по сути, означать военное и политическое крушение СССР.

Но сегодня ясно и другое – Гитлер не смог бросить все силы на захват Москвы не взяв Киева, не обезопасив южный фланг ГА “Центр”. Немцы повернули свои войска с главного направления, потеряв при этом время и силы. Благодаря отсрочке наступления на столицу, Советский Союз смог подготовить новые резервы. Значительная их часть была направлена затем на Юго-Западный фронт, чтобы закрыть образовавшуюся там брешь, но основная масса свежих советских соединений перебрасывалась к Москве и участвовала впоследствии (начиная с конца октября – ноября месяца) в Московской битве. Во многом благодаря этим резервам столица была спасена.

Некоторые современные авторы отмечают, что войска Юго-Западного фронта с начала сентября в любом случае были обречены на тяжелое поражение⁵⁸. Потеря огромного количества войск катастрофическим образом сказалась на всей обороноспособности Красной Армии. Положение не спас и прибывший на юг с западного направления новый командующий Юго-Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко. Вывести из окружения основные силы фронта было уже не в его силах. В брешь, образовавшуюся восточнее Киева, срочно перебрасывались войска, предназначенные для действий на других участках советско-германского фронта. Новым командующим Западным фронтом стал генерал-лейтенант И.С. Конев.

Некоторые детали поражения советских войск под Киевом, неудачи прорыва на восток присутствуют в докладе Шапошникову и Тимошенко заместителя начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-майора И.Х. Баграмяна. В документе, написанном под впечатлением от только что перенесенного поражения, 29 сентября 1941 г., Баграмян, в частности, отмечал, что в критической обстановке выхода немцев в тыл фронта Кирпонос “принял следующее решение на общий вывод войск из окружающего кольца: 21 армия, отойдя в течение ночи с 17 на 18 сентября на рубеж Брагинцы, Гниденцы, своими главными силами должна была нанести удар в общем направлении на Ромны навстречу удару, предпринимаемому 2-м кавкорпусом с востока в направлении на Ромны.

5-я армия – ... вспомогательный удар на Лохвица.

37-я армия, выведя войска из Киевского УР и создав ударную группировку на Яготин, Пириятин за 5-й армией.

26-я армия – Лубны...

⁵⁶ Великая Отечественная война, кн. 1, с. 195.

⁵⁷ Великая Отечественная без грифа секретности, с. 85.

⁵⁸ Мухин Ю. Ученик. – Дуэль. 1997. № 4.

Выводы: Основной причиной окружения четырех армий фронта и неспособности 5-й и 21-й армий к выходу из окружения является слишком запоздалое принятие решения на оставление Киева и на выход из окружения. Основным и грозным противником, приведшим к потере частями 21-й и 5-й армиями боеспособности, оказался не столь противник, вышедший в тылы, сколь сильная группа его войск, наступающая с севера против этих армий. Под ударами этой группы 5-я и 21-я армии непрерывно откатывались на юг, всё время неся большие потери. Истощение дошло до такого предела, что еще до выхода подвижных групп противника в тыл 21-й и 5-й армий, последние почти полностью потеряли свою боеспособность. Появление же мелких групп мотомехчастей противника в непосредственном тылу наших войск еще в большей степени ускорило темпы их деморализации.

К началу выхода из окружения боеспособность сохранила лишь одна 289 сд, оборонявшая район Пирятин. Из окружения выходила бесформенная и дезорганизованная масса, состоявшая главным образом из тылов”⁵⁹.

С этими выводами генерала (впоследствии маршала) Баграмяна трудно не согласиться.

НАЧАЛО БИТВЫ ЗА ЛЕНИНГРАД

С первых дней Великой Отечественной войны Ленинград оказался между двух огней. С юго-запада, через Прибалтику, к городу устремилась немецкая группа армий “Север”. С севера и северо-запада на город нацелилась совместно с немецкими войсками финская армия (командующий маршал К.Г. Маннергейм). Согласно плану “Барбаросса” захват Ленинграда должен был предшествовать взятию Москвы. Битва за Ленинград стала самой продолжительной в войне – с 10 июля 1941 г. до 9 августа 1944 г. С противником вели борьбу сухопутные войска Северо-Западного, Ленинградского, Волховского, Карельского фронтов, Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), Ладужской и Онежской флотилий, авиационные части и соединения, сами жители Ленинграда. На стороне противника действовали испанская дивизия, норвежские и шведские “добровольцы”.

Уже к 1 июля враг захватил Каунас, Вильнюс, Ригу. Когда 9 июля пал после тяжелых боев Псков, возникла непосредственная угроза Ленинграду. Еще 1 июля в городе была создана комиссия по вопросам обороны (председатель А.А. Жданов). В тот же день сильный удар по советским войскам в 200 км северо-западнее города нанесла финская армия, целью наступления которой являлись Ленинград и Петрозаводск. 5 июля из состава Северо-Западного фронта была выделена оперативная группа генерал-лейтенанта К.П. Пядышева для обороны Лужского рубежа. Вокруг Ленинграда развернулось строительство нескольких полос обороны. 29 июня началась эвакуация из города детей, женщин, пожилых людей, но в недостаточных масштабах из-за неоправданной уверенности в том, что враг будет остановлен на дальних подступах к городу. Сложная обстановка складывалась на море. С потерей баз в Лиепае и Риге корабли Балтфлота перебазировались в Таллин, но, как показали последующие события, временно. Самоотверженно защищали дальние подступы к Ленинграду наши пехотинцы, моряки, летчики. Ценой огромных потерь именно они, ведомые своими командирами и комиссарами, остановили наступление врага у стен города. Особое значение в замедлении темпов немецкого продвижения имела оборона Таллина, Моонзундского архипелага, п-ова Ханко, Лужского рубежа, сражение на ближних подступах к Ленинграду.

Подвиг совершила охрана водного района Пярну во главе с флагманским минометом старшим лейтенантом П. Вольским, затопившая 7 июля под огнем противника на входе в порт стоявшие там суда. Этот важный для немецкого командования узел транспортировки и снабжения войск был надолго выведен из строя. Балтфлот оказал

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 103, л. 79–87. Частично цит.: *Рязанцев В.Б.* Указ. соч., с. 108.

огромную помощь в обороне Ленинграда. Несмотря на нарушение системы базирования КБФ с потерей Либавы (Либава), Виндавы и Риги, драматической эвакуации сил флота из заблокированного Таллина и военно-морской базы с п-ова Ханко, Балтийский флот продолжал активные действия. Базируясь в Кронштадте и в устье Невы корабли КБФ наносили артиллерийские удары по наступающим сухопутным частям противника, препятствовали проникновению его надводных и подводных судов в устье Финского залива, помогали отражать огнем своих зениток воздушные атаки врага, и до конца 1942 г. (пока немцы и финны не перегородили специальными сетями Финский залив), подводные лодки КБФ вели успешные операции на морских коммуникациях противника в Балтийском море.

Наступление немецко-фашистских войск непосредственно на Ленинград началось 10 июля. Противник нанес удары с нескольких направлений. 19 августа советские войска оставили Новгород, 20 августа – Чудово. Финская армия прорвалась к Карельскому перешейку. Создавалась угроза окружения города. Красная Армия оказывала ожесточенное сопротивление на всех линиях обороны. Храбро сражались дивизии народного ополчения. Государственный Комитет Обороны и Ставка ВГК своими организационными решениями (создание Ленинградского и Карельского фронтов, смена командования, эвакуация населения, промышленных предприятий и другие) стремились укрепить положение города. В конце августа противник возобновил наступление. 31 августа была перерезана дорога Москва – Ленинград. 8 сентября город был окружен. В кольце блокады оказались более 2,5 млн. гражданского населения, войска Ленинградского фронта. С этого дня сообщение с городом стало возможно только по Ладожскому озеру и по воздуху. Каждый день Ленинград стал подвергаться артиллерийскому обстрелу и каждую ночь – воздушным налетам.

После взятия противником Шлиссельбурга Ленинградскому фронту и 54-й армии Волховского фронта была поставлена задача попытаться сходу прорвать блокаду города на Неве. Наступление 54-й армии началось вопреки мнению ее командующего маршала Г.И. Кулика без предварительной подготовки, что не замедлило сказаться на исходе операции. Войскам Ленинградского фронта удалось захватить плацдарм на Неве, но продолжение удара в районе Синявинских высот наткнулось на ожесточенное сопротивление немцев. Попытка сломить оборону противника в октябре 1941 г., дальнейшее объединение всех сил, действовавших на восточном и западном берегу Невы в районе Московской Дубровки, в составе 8-й армии, ввод в бой коммунистических полков Ленинградского фронта, к сожалению, так и не привел к деблокадированию города.

Блокада грозила ещё более страшной трагедией – голодом. 30 августа правительство приняло постановление “О транспортировке грузов для Ленинграда”, которым предусматривалась доставка в город продовольствия, вооружения, боеприпасов и горючего, однако осуществить это постановление было крайне трудно. В связи с создавшимся положением в Ленинград была направлена комиссия во главе с заместителем председателя ГКО В.М. Молотовым. По результатам ее работы принимались важные решения. Вот как вспоминает об этом Г.К. Жуков, вызванный в Кремль из-под Ельни, где он руководил успешной операцией советских войск. «Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом, – сказал Сталин. – Противник захватил Шлиссельбург, а 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий “Север”, усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга... Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом»⁶⁰.

Приезд Жукова и принятые им меры укрепили оборону города, но прорвать блокаду не удалось. Ещё 2 сентября пришлось усилить режим экономии продуктов питания. Рабочие и инженеры получали по 600 г хлеба в день, служащие – 400, иждивенцы и

⁶⁰ Жуков Г.К. Указ. соч., т. 1, с. 369.

дети – 300 г. 11 сентября норму уменьшили. Хлеб стали выпекать с различными примесями – солодом, жмыхом и т.д. Немцы вплотную подошли к городу. Кольцо блокады, линия фронта находились от городской черты на расстоянии от 2 до 30 км. Но взять Ленинград сходу не удалось. Отправка 17 сентября 4-й танковой группы на московское направление для участия в наступлении на советскую столицу это подтверждала. “Свидетельства, поступавшие с фронта, были верными: немцев остановили. Им нанесли страшный урон, – пишет американский журналист Г. Солсбери. – Некоторые немецкие дивизии потеряли две трети личного состава. Но эти потери были несравнимы с потерями тех призрачных дивизий, которые им противостояли. Советские части были обескровлены”⁶¹.

21 сентября Гитлеру представили доклад по вопросу о Ленинграде. На следующий день была утверждена директива “Будущее Петербурга”, в которой говорилось:

“1. Фюрер принял решение стереть город Петербург с лица земли. После разгрома Советской России существование этого огромного города не будет иметь никакого смысла. Финляндия также сообщила нам, что она не заинтересована в дальнейшем существовании города рядом с ее новыми границами.

2. Прежние требования военно-морского флота сохранить верфи, гавань и военно-морские сооружения известны, однако их выполнение невозможно в связи с главным решением вопроса о Петербурге.

3. Предлагается плотно блокировать город и сравнять его с землей с помощью артиллерии всех калибров и непрерывных бомбардировок с воздуха. Если в результате создавшейся в городе обстановки, последуют заявления о сдаче города, они должны быть отклонены”.

Угрожающее положение сложилось с топливом и электроэнергией. Но наиболее тяжелым испытанием стал голод. С 20 ноября 1941 г. были установлены самые низкие за время осады нормы выдачи хлеба по карточкам: рабочим и инженерно-техническим работникам – 250 г, служащим, иждивенцам и детям – 125 г. Войскам первой линии и боевым кораблям – 500 г, летно-техническому составу ВВС – 500 г, всем остальным воинским частям – 300.

Началась массовая гибель населения. Только в декабре умерло 53 тыс. чел. (больше, чем за весь 1940 г.). Однако оборона города на Неве сковывала соединения группы армий “Север”, не давала германскому командованию перебросить их на московское направление. В ином случае советскому военному руководству пришлось бы отбиваться от намного более мощных германских сил, обороняя советскую столицу, и в этом случае Москва могла не устоять, что ставило СССР на грань военной катастрофы, и стойкость защитников Ленинграда способствовала тому, что эта катастрофа не разразилась.

* * *

Летние бои 1941 г. закончились тяжелым поражением советских войск. Враг взял Киев, рвался к Москве и стоял всего в нескольких километрах от Ленинграда. Но, несмотря на все свои успехи, вермахт не смог добиться намеченной цели и достичь намеченных рубежей. Это означало провал блицкрига, а к длительной войне Германия не была готова. Впереди советских людей ждали новые тяжелые испытания, но героическое сопротивление тех частей, которые стойко бились с врагом, во многом позволило впоследствии выдержать эти испытания и в конце концов довести войну до победного конца.

⁶¹ Солсбери Г. 900 дней. Блокада Ленинграда. М., 1996, с. 359–360.